

встала и тихо отирала слезы: — тебѣ также, какъ и мнѣ, недоступны теперь человѣческія страсти, но я все-таки не желаю, чтобы въ твоемъ сердцѣ осталась горечь противъ этого человѣка; я не буду его защищать, потому что онъ такой-же грѣшникъ, какъ ты, но ты не права, обвиняя его въ томъ, что онъ бросилъ тебя. Онъ искалъ тебя по всему свѣту и, убѣдившись, что ему никогда не найти тебя, поступилъ въ монахи.

— Почему вы это знаете? спросила она, дрожащимъ голосомъ.

Патеръ Винтентъ ничего не отвѣчалъ, а только пристально взглянулъ на свою исповѣдницу. Ихъ глаза встрѣтились. Въ эту минуту лицо бенедиктинца какъ бы преобразилось, и въ немъ исчезли всѣ слѣды, наложенные на него временемъ и горемъ. Конечно, его волоса порѣдѣли и посѣдѣли, нѣкогда бѣлыя руки артиста погрубѣли, но глаза его сохранили свою прежнюю, чарующую прелесть, только они сіяли теперь не страстной земной любовью, какъ нѣкогда, а идеальнымъ, лучезарнымъ, небеснымъ свѣтомъ.

Съ громкимъ крикомъ радости она узнала его. Долго они смотрѣли другъ на друга въ нѣмомъ порывѣ восторга. Они теперь были